

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-82'14

А. Г. Козлова, Е. Н. Кузьменко

ПУШКИНСКИЙ ИНТЕРЕКСТ В СБОРНИКЕ Б. А. ЧИЧИБАБИНА «МОРОЗ И СОЛНЦЕ»

А. Г. КОЗЛОВА, К. М. КУЗЬМЕНКО. ПУШКИНСЬКИЙ ИНТЕРТЕКСТ У ЗБІРЦІ Б. О. ЧИЧИБАБИНА «МОРОЗ І СОНЦЕ»

У статті аналізуються особливості втілення пушкінської теми та пушкінського інтертексту в першій поетичній збірці Б. О. Чичибабіна «Мороз і сонце», сама назва якої є прямою відсилкою до Пушкіна і виконує метатекстову функцію. Образ сонця є не тільки маркером інтертекстуальності, але й наскрізним у збірці. Загалом пушкінська тема та пушкінські інтертекстуальні включення займають у книзі важливе місце. Чичибабін широко використовує впізнавані пушкінські образи, пушкінську лексику, пов'язані з біографією та творчістю Пушкіна топоніми, характерний пушкінський віршований розмір – ямб.

Ключові слова: лірика, збірка, рецепція, тема, образ, інтертекст, цитата, ремінісценція, алюзія, віршований розмір.

А. Г. КОЗЛОВА, Е. Н. КУЗЬМЕНКО. ПУШКИНСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В СБОРНИКЕ Б. А. ЧИЧИБАБИНА «МОРОЗ И СОЛНЦЕ»

В статье анализируются особенности воплощения пушкинской темы и пушкинского интертекста в первом поэтическом сборнике Б. А. Чичибабина «Мороз и солнце», само название которого является прямой отсылкой к Пушкину и выполняет метатекстовую функцию. Образ солнца является не только маркером интертекстуальности, но и сквозным в сборнике. Вообще пушкинская тема и пушкинские интертекстуальные включения занимают в книге важное место. Чичибабин широко использует узнаваемые пушкинские образы, пушкинскую лексику, связанные с биографией и творчеством Пушкина топонимы, характерный пушкинский стихотворный размер – ямб.

Ключевые слова: лирика, сборник, рецепция, тема, образ, интертекст, цитата, реминисценция, аллюзия, стихотворный размер.

A. G. KOZLOVA, K. M. KUZMENKO. THE PUSHKIN INTERTEXT IN B.A. CHICHIBABIN'S BOOK OF POEMS "FROST AND SUNSHINE"

The article analyzes the peculiarities of realization of Pushkin theme and intertext in B. A. Chichibabin's first book of poems "Frost and sunshine". The title by itself is a direct reference to Pushkin and has a metatextual function. Not only does the image of Sun act as an intertextual marker but it also is a prevailing theme in the book. We find it in sixteen out of thirty poems of the book. In the article a special emphasis is put on the cycle "Poems about Pushkin" which comprises nine interrelated poems joined by Pushkin theme and the poem "A girl at a construction site" which has a special realization of Pushkin intertext. We also regard the usage of intertextual Pushkin insertions which have a morphogenetic function (the poem "Russia, I love you so much...", the usage of Pushkin iambus). The results of the research lead us to the conclusion that Pushkin theme and inter-textual insertions play a major role in Chichibabin's book and perform a variety of functions. The poet frequently uses recognizable Pushkin images, Pushkin vocabulary, toponyms connected with Pushkin's biography and work, Pushkin's typical verse metre (iambus).

Key words: lyrics, book of poems, reception, theme, image, intertext, quotation, reminiscence, allusion, verse metre.

А. С. Пушкину, его личности и творчеству принадлежит особая роль в русской культуре. Не случайно современный ученый И. В. Кондаков – доктор философских наук, культуролог и литературовед – назвал свою статью «Пушкин как феномен русской культуры» [2].

Для русских писателей и поэтов XX века Пушкин стал эталоном, воплощающим в себе дух творчества и русского национального искусства, и они активно обращались к его личности и наследию. В связи с этим вполне справедливой представляется мысль Н. К. Солошенко-Заднепровской о необходимости изучения пушкинской традиции, высказанная в статье «Пушкиниана русской поэзии XX века как научная проблема»: «Развитие русской поэзии XX в. невозможно представить вне ее самоопределения относительно А. С. Пушкина. Как художественное явление поэт живет в последующих эпохах в двух ипостасях: в оценке и анализе – с одной стороны, и в непрерывной творческой преемственности – с другой» [7]. «Пушкин и XX век – сложная и большая проблема современного литературоведения», – пишет О. Н. Николенко [5, с. 93].

Вполне закономерно, что проблема рецепции пушкинского творчества, использования пушкинской традиции и пушкинского интертекста в творчестве разных авторов многократно становилась предметом исследовательского внимания, как в работах более широкой тематики, так и в статьях, непосредственно ей посвященных. В последние десятилетия к ней обращались А. В. Кулагин, исследовавший пушкинские мотивы в поздней лирике В. Высоцкого, Н. П. Лебеденко, обратившаяся к анализу пушкинского начала в эстетических концерциях русских символистов, А. Ю. Леонтьева, характеризовавшая роль пушкинского интертекста в лирике Б. Ю. Поплавского, Н. В. Налегач и Г. М. Темненко, обратившиеся соответственно к проблеме пушкинской традиции в поэзии И. Анненского и А. Ахматовой и ряд других исследователей.

Цель нашей работы – охарактеризовать особенности представления пушкинского интертекста в творчестве Б. А. Чичибабина на материале книги лирики «Мороз и солнце».

Вслед за Н. Пьеге-Гро мы рассматриваем интертекстуальность как текстовую категорию, «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст», а интертекст – как «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [6, с. 48].

К проблеме интерпретации пушкинской темы в творчестве Б. А. Чичибабина обращались П. А. Брейтер, В. И. Мацапура, И. В. Остапенко, О. Н. Николенко, Л. Г. Фризман и А. Э. Ходос и некоторые другие литературоведы. В силу значимости проблемы рецепции пушкинского творчества Б. А. Чичибабиным она требует особого внимания, в то же время далеко не все ее аспекты нашли исчерпывающую разработку.

О. Н. Николенко отмечает, что Пушкин для Чичибабина – это не только критерий для творческого осознания, но и критерий осознания мира и роли поэта в мире, полном трагических коллизий и испытаний, что Чичибабин шел к Пушкину всю жизнь, и это совпало с выбором пути в мире и в собственном творчестве, поэтому образ Пушкина и пушкинские мотивы проходят через всю его поэзию. Пушкин для Бориса Чичибабина – это, прежде всего, идеал поэта, воплощение гармонии и совершенства [4, с. 150–151]. А В. И. Мацапура констатирует: «...предпочтение, которое он отдавал Пушкину как поэту, не удивляет. Но удивляет то постоянство, с которым Чичибабин подчеркивал, что в поэзии Пушкина есть нечто божественное, что вне всяких списков» [3, с. 78]. В своих интервью Чичибабин неоднократно подчеркивал любовь к Пушкину и восхищение им: «Для меня нет более любимого человека, живой личности, живой души. Кто-то очень хорошо сказал, называя своих любимых композиторов, – Бах, Бетховен, Вагнер. А Моцарт? – спросили его. О, Моцарт – это Бог! Вот так я мог бы сказать о Пушкине. Перечень любых поэтов, если он будет открываться именем Пушкина, – для меня это кошунство. Это унижительно для Пушкина, потому что Пушкин – вне всяких списков, он совершенно отдельно» [8, с. 423].

В лирике Б. А. Чичибабина, связанной с пушкинской темой, можно выделить произведения, непосредственно посвященные Пушкину («Пушкин – один», «Пушкин и Лермонтов», «Какое счастье, что у нас есть Пушкин...»); те, в которых Пушкин только (прямо или косвенно) упомянут («Стихи о русской словесности», «Поэты», «Экскурсия в Лицей», «Большая черепаха – ползучая эпоха...», «Россия», «Памятник из снега», «Ода русской водке», «Степь» и др.), и такие, в которых наличествует пушкинский интертекст, как в виде прямых цитат («Защита поэта», «За Надсона», «Девочки на стройке»), так и в виде реминисценций и аллюзий. К последней группе можно отнести первую книгу лирики поэта – сборник «Мороз и солнце» (1963), в

которой, по мнению М. А. Зуенко, Чичибабин «раскрывает тревожные вопросы XX века, размышляет о судьбах человека и человечества» [1, с. 135]. Книга эта заслуживает отдельного разговора, так как само ее название является маркером интертекстуальности – прямой пушкинской цитатой, отсылающей к стихотворению «Зимнее утро», начинающемуся словами: «Мороз и солнце; день чудесный!»; стихотворения, составившие сборник, отличает регулярное использование пушкинских приемов, цитат и аллюзий.

В сборник вошло 31 стихотворение. Лексема «солнце» (в единичных случаях «солнышко») встречается в 16-ти из них («Рабочие», «Только с трусом одним ничего не стрясется...», «Гармония», «Жены моих друзей», «Я жил на комсомольской стройке...», «Солнце палит люто...», «Я с народом родным обменялись сердцами давно...», «Я так люблю тебя, Россия...», «Ясная поляна», «Степь», «Край родимый», «Чудо», «Желтые желуди», «Осень. Лучи. Деревья...», «Этот март», «Пушкин»), выполняя смыслообразующую функцию и являясь маркером пушкинского интертекста. В стихотворении «Только с трусом одним ничего не стрясется...» она использована поэтом дважды, причем при первом употреблении – в «пушкинском» сочетании с лексемой «мороз»: *...было в жизни моей и мороза и солнца, / и забот и забав, и вражды и любви* [9, с. 9]. В стихотворении «Жёны моих друзей» также наблюдается двукратное её употребление – и в качестве апеллятива (*Пусть же солнце прольётся на тёплые, / ловкие руки подруг* [9, с. 13]), и в качестве онима (*Дочери Солнца, вы сами как луч его, / что проблистал по грозе* [Там же]). Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что образ солнца в сборнике сквозной, и, являясь ключевым, кроме прочего напоминает о том, что в нашем общественном сознании, как метко выразился в свое время В. Ф. Одоевский, сам Пушкин – «солнце русской поэзии».

В стихотворениях, вошедших в сборник, Б. А. Чичибабин часто использует характерные для Пушкина единичные лексемы и словосочетания (*очи, уста, чело, Отчизна, шалун, заблещут, вещи, вдохновенье, рыцарь, подруга, кудри дев, подруги милой* и др.), узнаваемые пушкинские образы (*Пётр, Разин, витязь, царь, крестьянин, дух и плоть* и др.), связанные с биографией и творчеством Пушкина топонимы (*Россия, Михайловское, Одесса, Кавказ, Бахчисарай, Украина*). Обращает на себя внимание, что топоним «Украина» поэт нарочито использует в характерном «пушкинском» варианте – «Украйна / Укряина» – и тогда, когда речь идет о Пушкине: *То ль под черешнями Украйны, / то ль у цыганского костра* («А он не у земных владык...») [9, с. 80], и тогда, когда лирический герой предельно близок самому Чичибабину: *...я сыграю «Я сам с Украйны» // Украина – Укряина, / белобрысый ковыль... <...> Украина – Укряина, / будь здорова навек!* («Край родимый») [9, с. 53].

В состав сборника включен цикл (им завершается книга), прямо обращенный к пушкинской теме, – «Стихи о Пушкине». В него вошло девять взаимосвязанных стихотворений, каждое из которых является логическим продолжением другого. Все стихотворения цикла написаны характерным для пушкинской поэзии стихотворным размером – ямбом.

В самом начале первого стихотворения цикла – «Пушкин» – Б. А. Чичибабин характеризует своего «милого людям» великого предшественника, которого «мы сердцем слушаем и любим», используя пушкинские образы витязя и пророка, и, конечно, солнца:

*Во всем прозрачен и широк –
творить ли, ездить ли, беситься, –
он с нами, витязь и пророк,
курчавый правнук абиссинца,
из русских подлинный русак.*

Простой, как солнышко, чудесный... [9, с. 79].

В других стихотворениях цикла пушкинское «присутствие» также очевидно, благодаря включению в текст узнаваемых пушкинских слов и образов (*подруг молодых, цыган, цыганский костер, очи, вещи, няня, белка, чародей, чаши* и др.). В таком контексте даже сравнение *отчаянные комсомолки – царевны русской целины* воспринимается как аллюзивное.

Отметим, что для чичибабинской пушкинианы характерна автоцитация: строки из стихотворений цикла «Стихи о Пушкине» встречаются и в поэме «Пушкин».

Пушкинская тема, как и пушкинский интертекст, широко представлены не только в стихотворениях, составивших цикл «Стихи о Пушкине», но и в других циклах сборника. Так, в стихотворении «Тебе, народ» из цикла «Жизнь» Б. А. Чичибабин благодарит свой народ за всё

лучшее, что он приобрёл, как и его старшие учителя – Пушкин и Толстой – частица русского народа:

*Хочу дохнуть не холодом с холстов,
а всей душой, как каменщик и жница.
С тобою быть как Пушкин и Толстой –
мне только это чудится и снится* [9, с. 24].

В другом стихотворении из этого же цикла – «Памятник из снега» – описывается *одна диковинка* – вылепленный из снега памятник Пушкину, к которому, как к святыне, *сходились паломники*. Не только название этого стихотворения, но и описанная в нем ситуация ассоциируется с пушкинским *Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа*.

В плане использования пушкинского интертекста особый интерес представляет стихотворение «Девочки на стройке», в котором Б. А. Чичибабин обращается к ряду характерных для пушкинского творчества образов. В начальной строфе это *мороз, заря и тридцать три богатыря*:

*Свежие, как утренний морозец,
светлые, как юная заря, –
трудится бригада обмуровиц –
тридцать три богатыря* [9, с. 18].

Прямая цитата в конце строфы вызывает в памяти строки из «Сказки о царе Салтане» Пушкина: *...И очутятся на бреге, / В чешуе, как жар горя, / Тридцать три богатыря, / Все красавцы молодые, / Великаны удалые, / Все равны, как на подбор, / С ними дядька Черномор*.

Пушкинская аллюзия оказывается многослойной, т. к. героини Б. А. Чичибабина – его юные современницы – *бригада обмуровиц, с бригадиром* (вместо дядьки Черномора) во главе. Возникшее в первой строфе гендерное несоответствие поэт тут же снимает во второй, трансформировав пушкинских *богатырей* в *богатыри*:

*Сколько вёсен этим богатырям:
Восемнадцать, двадцать, двадцать пять?
<...>*

*Бригадир у них в косынке алой,
Высока и удала* [Там же].

Ассоциация с пушкинским текстом Б. А. Чичибабиным постоянно и сознательно поддерживается: *жар* в пушкинском тексте трансформируется у него в *жарищу* от труб: *А от труб жарница так и пышет* [Там же]. Кроме того, Б. А. Чичибабин вспоминает пушкинское «вечное перо»:

*Той работы ловкой не опишет
никакое вечное перо* [Там же].

В одном из повторяющихся эпизодов пушкинской сказки появляется упоминание золотого блеска чешуи: *И останутся на бреге / Тридцать три богатыря, / В чешуе златой горя...* Б. А. Чичибабин не забывает упомянуть и пушкинское золото: его героини – *Золотого света властелины*, которые после смены *...шальными лебедями / полчаса плескались в душевой* [9, с. 19]. И снова – отсылка к пушкинскому образу (вспомним у Пушкина: *Улетела лебедь-птица; Глядь – поверх текучих вод / Лебедь белая плывет*). (К слову, пушкинский образ лебедя используется Б. А. Чичибабиным и в таких стихотворениях, как «Этот март» (*...и голубыми лебедями / сугробы плещутся в ручьях* [9, с. 75]), «Соловей – птица певчая...» (*И встанут лебедями лилии* [9, с. 76]). В подобных случаях интертекстуальные элементы неявны, но в соотношении с общим «пушкинским планом» сборника при внимательном прочтении вычленимы.

Финал стихотворения «Девочки на стройке» возвращает к его началу и через него – к пушкинскому тексту:

*Славлю вас, весенняя бригада –
тридцать три богатыря* [9, с. 19].

В стихотворении «Я так люблю тебя, Россия...» узнаваемой становится пушкинская анафора «Там...», знакомая читателю по прологу к поэме «Руслан и Людмила», которую Б. А. Чичибабин использует в формообразующей функции в начале семи строф – с четвертой по десятую включительно:

*Там тьмы веселых, вольных, верных...;
Там за учебюю, за делом...;
Там девушки смуглы и русы...;
Там поезда стоят у станций...;
Там у прудов, степных и сонных...;
Там колыбельную колосьям...;
Там ныне я, по той же сини... [9, с. 36–37].*

В текст включена характерная «пушкинская» лексика (*ныне; душу чуждую*); создающие аллюзию и являющиеся маркерами интертекстуальности образы (солнце, леса, поля, скалы, луга, осень, туманы и др.).

В стихотворении «Я с народом родным обменялись сердцами давно...» в связи с темой поэзии использован пушкинский образ поэта-пророка, не отделяющего себя от своего народа:

*Я с народом родным обменялись сердцами давно.
<...>
Буду верен навек – меж дорог, что стучат о порог, –
лишь ему одному да еще твоим чарам, поэзия.*

*Я пророком не слыл, от гражданских страстей запершись,
не бежал от людей за дверные затворы и засовы,
не роптал на ветра, не считал, что не ладится жизнь,
и в словах не плутал, и из пальца стихов не высасывал [9, с. 29].*

Размышления Чичибабина о настоящем поэте и его роли в обществе создают проекцию не только к названному в тексте Маяковскому, но и к Пушкину как эталону поэта, началу всех начал: *Но чем больше поэт, тем прочнее он связан с людьми, / тем он проще душой, тем он преданней делу великому [9, с. 30].*

Завершается сборник утверждением, что пушкинское слово навсегда вошло в русскую культуру, а имя Пушкина, неотделимое от России, стало воплощением всего русского национального:

*Не смыть водой, не сжечь огнём
его стихов слова простые.
И стоит произнести: «Россия», –
мы сразу думаем о нём [9, с. 84].*

Таким образом, пушкинская тема и пушкинский интертекст широко представлены уже в первом сборнике стихотворений Б. А. Чичибабина «Мороз и солнце»: через ключевые образы мороза и солнца, в виде прямых пушкинских цитат, через включение характерной пушкинской лексики, узнаваемых пушкинских образов и связанных с биографией и творчеством поэта топонимов, создающих реминисценции и аллюзии. Следует отметить также частое использование Б. А. Чичибабиным характерного для пушкинской поэзии стихотворного размера – ямба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуенко М. А. Стилевые особенности лирики Б. Чичибабина / М. А. Зуенко // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Серія літературознавство. – 2005.– Харків, 2006. – Випуск 1 (45). – Частина перша. – С. 133–138.
2. Кондаков И. В. Пушкин как феномен русской культуры (заметки после юбилея) / И. В. Кондаков. – Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 160–170.
3. Мацапура В. И. Образы классиков в художественной рецепции Б. Чичибабина / В. И. Мацапура // Чичибабин и развитие русской поэзии Украины в XX веке : Вестник Крымских чтений Б. А. Чичибабина. Выпуск 2. – Симферополь : Крымский Архив, 2006. – 106 с. – С. 77–83.
4. Николенко О. Н. Какое счастье, что у нас есть Пушкин: Пушкин в художественном сознании Б. Чичибабина [Текст] / О. Н. Николенко // Радуга : Журнал художественной литературы и общественной мысли. – 2006. – № 7. – С. 149–156.
5. Николенко О. Н. Пушкин в художественном сознании Б. Чичибабина / О. Н. Николенко // Чичибабин и развитие русской поэзии Украины в XX веке : Вестник Крым-

ских чтений Б. А. Чичибабина. Выпуск 2. – Симферополь : Крымский Архив, 2006. – 106 с. – С. 93–100.

6. Пьего-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьего-Гро [пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

7. Солошенко-Заднепровская Н. К. Пушкиниана русской поэзии XX века как научная проблема [Электронный ресурс] / Н. К. Солошенко-Заднепровская. – Режим доступа: http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/Literaturoznavstvo_naukovi_zarusku_59_1/7.html.

8. Чичибабин Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – 3-е изд., испр. – Харьков : Фолио, 2002. – 463 с.

9. Чичибабин Б. А. Мороз и солнце : книга лирики / Б. А. Чичибабин. – Харьков : Харьковское книжное изд-во, 1963. – 86 с.

(Статья поступила в редакцию 12 марта 2016 г.)